

Совет Трех Кланов: Огонь и сталь – Мэтт Бернс

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Совет Трех Кланов: Огонь и сталь

Мэтт Бернс

Небо над Заоблачным пиком манило Курдрана Громового Молота: так холодной зимней ночью влечет к себе усталого путника далекий отблеск костра. Двадцать лет провел он в плену, вдали от родины, в проклятом мире, известном ныне как Запределье, — и вот наконец вернулся домой. Нет, он никогда не жалел, что решился выступить с Альянсом в поход и сразиться с орочьей Ордой на ее исконных землях. Но все эти долгие, изнурительные годы тоска по родному небу бредила душу.

Над головой парила Грифон Небесная и трое ее сородичей. Курдран давно уже не видел ее такой веселой и жизнерадостной. Всем сердцем он хотел быть там, с нею, чувствовать, как дует в лицо свежий, живительный горный воздух. Увы, судьба распорядилась так, что он обречен ходить по земле. Но лишь в небе он чувствует себя свободным. Небо – лучшее, что подарила ему Небесная. Не свирепость в бою, не верность в мирные времена, а упоение полетом. Как жаль, что сейчас она кружится в облаках без него!

Курдран глубоко вздохнул и окинул взглядом родные просторы. Прямо перед ним простирались зеленые кроны лесов. На горных склонах, среди домов и торговых лавок, суетливо сновали дворфы клана Громового Молота. На вершине Заоблачного пика горделиво высилось каменное строение — питомник в форме гигантского грифона. Казалось, ничто здесь не изменилось с тех пор, как он покинул родные края.

Курдран извлек маленький железный скипетр, обернутый пучками травы и украшенный грифоньими перьями. Не оружие — его потрепанный в боях молот бури висел на спине, — а памятный знак. В Запределье он стал для Курдрана чуть ли не талисманом: это был символ дома, напоминание, откуда он родом и во имя чего сражается. Сколько раз он сжимал его и чувствовал прилив сил и надежды!.. Но здесь, на родине, символ, похоже, уже не...

Отчаянный клекот огласил небеса. Курдран вскинул голову — и замер от ужаса: Небесная, кружась, стремительно падала. Ее крылья были как-то странно выкручены.

– Небесная! – надрывно выкрикнул он.

Грифон рухнул на землю. Глухой удар резанул слух. Из пробитого черепа брызнул фонтан крови. На задних лапах изломанные кости прорвали кожу; она попыталась подняться, но тут же упала, корчась от боли. С ее полуоткрытого клюва сорвался жалобный стон.

– Не шевелись, родная! – крикнул Курдран. Тяжело дыша, он уже бежал к подруге, распластавшейся на земле, — как вдруг почувствовал, что рука у него совершенно онемела.

Скипетр в одеревеневших пальцах пузырился и на глазах превращался во что-то до ужаса знакомое — не то кристалл, не то бриллиант. Из него расходились мерцающие щупальца, расползались вверх, к локтю, к плечу, и рука каменела. Вязкая паутина перекинулась на грудь и опутала все его тело, налила его тяжестью, приковала ноги к земле.

Свободной рукой Курдран потянулся к молоту за спиной, но алмазная клетка сковала его прежде, чем он успел обнажить оружие. Застыв, оледенев, он бессильно смотрел, как верная подруга, которая столько раз спасала ему жизнь и стала словно частью его самого, истекает кровью у него на глазах.

Бриллиантовая сеть мертвящей хваткой сдавила шею, проникла в горло, овлекла легкие. Наконец, тьма затопила глаза и уши. Небесная исчезла, и небесная лазурь растворилась во мраке.

Но избавления, которое приносит смерть, Курдрану не суждено было обрести. Он погрузился в пустоту. По жилам струился ужас, как раскаленное железо. Вдруг зазвучал глухой ритмичный стук. С каждой секундой он становился все громче.

Бух. Бух. Бух.

Каждый удар отзывался в нем дрожью по всему телу, как будто кто-то старался освободить его и бил по хрустальному панцирю чем-то тупым.

Бух. Бух. Бух.

Узы ослабли, немота начала сходить. Внезапно удары зазвучали иначе.

Дзынь! Дзынь! Дзынь!

При этом знакомом звуке Курдран с чудовищной отчетливостью понял, где он: пробудившись от одного страшного сна, оказался в другом. Это звенели молоты, стуча день и ночь о наковальню. Немолкнувшее сердцебиение чужого города в самом сердце горы — города, который не ведает красоты бескрайнего неба...

Стальгорн.

Город его предков был как котел с застарелыми предрассудками. День за днем он кипел на медленном огне, и его ядовитые испарения туманили разум дворфов Бронзобородов, Громового Молота и Черного Железа, впервые за две сотни лет решивших поселиться вместе. Курдран стоял на краю этого котла, всматриваясь в его неистово клокочущее нутро, и его сердце наполнилось смятением. Разрушительный взрыв был неминуем.

Странно, но ему казалось, что он все еще в Запределье, бьется с полчищами Орды. А ведь в Стальгорне у него вроде и не было врагов. Ни безумных демонов, ни разъяренных кровожадных орков. Только слова.

Пару недель назад, когда Курдран явился Стальгорн, его встречали как героя: какой ценой далась ему победа в Запределье! Теперь все было иначе. По городу вновь, как в пору кровопролитной войны Трех Молотов, ползли клеветнические слухи о клане Громого Молота, — словно давняя распря мстительно решила напомнить о себе и вновь посеять между дворфами вражду. Болтали, что на Заоблачном пике совершают какие-то мрачные обрядовые жертвоприношения, а сам Курдран будто бы собственноручно казнил в Запределье с десятков воинов Альянса, которые отказались сражаться. Впрочем, в последние несколько дней дворфов занимала другая история.

– Совет ждет вас, тан Курдран.

Курдран не отозвался на оклик стража и крепче стиснул скипетр Громого Молота. С площадки у грифоньего гнезда он отчетливо видел Великую Кузню — непроглядную пещеру, которую называли сердцем Стальгорна. По потолку в ней текли струйки расплавленного металла и собирались у подножия стены в блестящие золотые лужицы. Бурлили и клекотали чаны, в воздух взмывали стальные молоты и тут же со звоном опускались на наковальни. Удушливый жар, особенно рядом с кузней, так давил, что казалось — тебя закупирили в стеклянной бутылке и оставили задыхаться под палящим солнцем.

Небесная лежала на соломенной подстилке, поджав лапы под могучим телом. Курдран задумчиво погладил ее непослушной рукой по пернатому загривку.

– И зачем я вообще сюда явился? – пробормотал он.

– Потому что не хочешь, чтобы повторилось давнишнее кровопролитие, – откликнулся чей-то спокойный голос. То был Эли Громобой. Он складывал охапки сена в аккуратные вязанки. Подойдя к Курдрану поближе, он продолжал: — Потому что король Магни, даром что Бронзобород, все же был дворф хоть куда. И потому что ты сам же вчера сказал Фалстаду: кому из дворфов, кроме тебя, такое по плечу?

Вспоминать об этом Курдрану было не по душе. Когда он вернулся из Запределья, то крепко повздорил со своим близким другом, Фалстадом, который правил кланом Громого Молота в его отсутствие. Впрочем, сейчас у него и без того полно забот. Он отогнал неприятные мысли прочь.

Небесная тихо курлыкнула и мягко подтолкнула клювом Курдрана, словно подтверждая слова Эли.

– Я тебя не спрашивал, – Курдран раздраженно махнул рукой в сторону Эли и повернулся к своей пернатой подруге. – А тебя тем более.

Небесная безропотно перевернулась в соломенном гнезде. Мелькнули три бежевых, в голубую крапинку, яйца, которые она отложила вскоре после прибытия в Стальгорн. Курдран хотел, чтобы она вернулась с птенцами на Заоблачный пик, но она решила остаться в городе вместе с ним. В конце концов, грифоны – не домашние питомцы. Они так же вольны распоряжаться собой, как и сам Курдран.

Когда Небесная решила остаться, Курдран и обрадовался, и рассердился. Отложив яйца, она сильно ослабела и больше не могла летать. Ее осмотрело множество жрецов, укротителей грифонов и алхимиков. Все они пришли к одному заключению: слабость Небесной — не загадочная хворь, не неведомая зараза из Запределья или Стальгорна, а следствие недуга, от которого нет исцеления, — времени.

– Тан Курдран...

– Да иду я! – рявкнул Курдран и бросил свирепый взгляд на стальгорнского стража.

– Это ты теперь так ходишь — сидючи на полу? – усмехнулся Эли, не отрываясь от работы.

Курдран ухмыльнулся и нехотя поднялся на ноги. Закованный в латы страж Бронзобородов тут же повернулся и неуклюже пошел между грифоньих гнезд, растянувшихся по всему пути в Великую Кузню. С того момента, как клан Громого Молота прибыл в Стальгорн в сопровождении своих грифонов, питомник значительно увеличился в размерах. В некотором роде теперь он стал напоминать Заоблачный пик; кусочек родины вдали от дома.

Заткнув скипетр за пояс, Курдран последовал за стражем, на ходу здороваясь с всадниками, рассевающимися на вязанках соломы. Вождь почувствовал себя еще более одиноким: на лицах дворфов застыло такое выражение, словно они провожали его на эшафот.

По-видимому, так оно и было.

Курдран прошел по дороге, ведущей к Высокому Трону. Рядом с палатами стояла шумная толпа дворфов; огонь из железных жаровен, горящих по всему городу, отбрасывал на их лица причудливые тени. Здесь были представители всех кланов: Бронзобороды в начищенных серебряных латах, расписанные татуировками дворфы Громого Молота – их отличали украшения из грифоньих перьев; встречались и серокожие служители Черного Железа в покрытых пеплом рабочих передниках. Это сборище выглядело как Стальгорн, только поменьше: горстка дворфов Громого Молота и Черного Железа, затерянных среди множества Бронзобородов.

Пробираясь через толпу, Курдран слышал обрывки жаркого спора:

– Бронзобороды обращаются со своим обломком молота Модимуса как полагается!

– Да уж, конечно... Сделали из него очередной пылесборник в библиотеке. То ли дело – Громовой Молот! Мы-то хотя бы перековали его во что-то полезное!

– А, дружище, нашел с кем спорить – с Бронзобородом! – вмешался стоящий рядом наездник. – В Стальгорне же что ни возьми – вестимо, сперто из какого-нибудь древнего схрона.

Кто-то из толпы толкнул наглеца прямо на Курдрана, и толпа тут же сомкнулась вокруг них.

– Дорогу! – рявкнул вождь.

Несколько дворфов, стоявших ближе всего к нему, расступились; другие же остались стоять, и лица их исказились от ярости.

– Дорогу Курдрану, предводителю *бабочек*! – раздался чей-то насмешливый голос. Так пренебрежительно прозвали клан Громового Молота.

– Ставлю всем по кружке эля, если Курдран согласится отдать свой обломок молота Модимуса!

– Ну уж нет, дружище, на такое ни один дворф не поставит, если у него голова на плечах!

Курдран растолкал толпу локтями и протиснулся к Высокому Трону. Этот зал, резиденция правителей Стальгорна, мало чем отличался от прочих построек города: мрачный, с высокими каменными стенами, озаренными светом висячих ламп. В дальнем конце комнаты на возвышении стояли три одинаковых трона для членов Совета Трех Кланов.

Центральный трон некогда занимал король Магни. При виде этого престола Курдрана пробрал ужас. Он вспомнил, как в первый день вступления в Совет брат короля Мурадин отвел его коридорами в старый город. То, что он там увидел, с тех пор преследовало его в страшных снах: там стоял Магни, обращенный в алмазную статую. Это несчастье произошло с королем, когда он проводил таинственный ритуал единения со стихией земли. Он хотел дознаться, откуда в мире берутся бури и землетрясения.

Теперь у центрального престола стоял сам Мурадин. Курдран мельком оглядел его. Ответом ему был презрительный взгляд. Как непохоже было это приветствие на прием, который устроили Курдрану после возвращения! Сколько кружек пива было выпито, сколько историй рассказано о злоключениях тана в Запределье и о

подвигах Бронзоборода на заснеженных просторах Нордскола... Увы, те дни давно миновали. С тех пор Мурадин почему-то охладел к предводителю клана Громового Молота.

По правую руку от Мурадина стояла Мойра Тауриссан, дочь Магни. Породнившись с заклятыми врагами отца — кланом Черного Железа, — она смертельно оскорбила его память. Однако она по-прежнему была наследницей Стальгорна. Как и малыш Фенран: его колыбелька стояла у ног матери.

— Добро пожаловать, Курдран, — приветливо кивнула она, взмахнув гладкими косами в тугих крендельках.

— Здравствуй, — коротко ответил Курдран и прошел к тронам, обогнув деревянный столик у подножия возвышения. На столе лежали два артефакта — те самые, из-за которых в последние несколько недель было столько ссор и споров. Кривой деревянный посох с темно-фиолетовым навершием и расплюснутый боек некогда могучего молота.

При виде этих реликвий Курдран поморщился. Он опустился на трон слева от Мурадина. Рядом с Мойрой и ее дядей он снова, в который раз, почувствовал себя не в своей тарелке. В совете слишком много бронзобородовской кровки, а Дагран пытается склонить чашу весов в сторону Черного Железа. Даже восседая на троне, Курдран чувствовал себя изгоем.

Голоса, доносившиеся от входа в палаты Высокого Трона, смолкли, и к возвышению подошел советник Белграм — старый, мудрый дворф. Рядом с ним одновременно склонились в вежливом поклоне два молодых историка. Один из них, низкорослый, в ярко-красном плаще, — из клана Громового Молота, — по всем отзывам, всегда очень скрупулезно проверял любые сведения.

Белграм выпрямился и шаркающей походкой подошел к тронам.

— Приветствую тебя, тан Курдран. Правильно ли я понимаю, что ты уже принял решение?

Курдран обвел взглядом покои; казалось, ничего не изменилось здесь за последние несколько дней. Все те же вопросы, все те же толпы спорящих дворфов. Все то же чувство, что его загнали в угол. Всякий раз он отвечал Белграму «нет», но в прошлую ночь кое-что изменилось: наездник Громового Молота и дворф клана Бронзобородов погибли в драке, возникшей из-за спора о скипетре в руках Курдрана.

— Как будто у меня есть выбор, — буркнул Курдран.

— Ох, — вздохнул Мурадин. — Сколько раз можно обсуждать одно и то же...

— Курдран, — прервала его Мойра, — из нас троих именно тебе надлежит принести самую большую жертву. Если ты решишь оставить себе обломок молота, то и мы откажемся от своей задумки.

Курдран не мог оторвать взгляда от потрепанного свитка в дрожащей руке Белграма. В этом пергаменте, который несколько недель назад обнаружили в библиотеке Стальгорна, описывалась гражданская война многовековой давности. После смерти Модимуса Старой Наковальни, гласил свиток, в битве за трон Стальгорна сошлись три клана дворфов. Во время этой войны таинственным образом пропал молот Верховного Короля. Раньше Курдрану не раз приходилось слышать разные предположения: что произошло с этим легендарным оружием. Теперь, благодаря пергаменту, слухам пришел конец: там говорилось, что молот Модимуса был расколот на три части, и каждому клану в войне досталось по обломку. И вот теперь, не зная, что их ждет, и боясь новых бед, дворфы Стальгорна наивно решили, что древнее оружие — залог мира. Словно стоит перековать молот, чтобы покончить со старыми подозрениями и распрями!..

Курдран через силу отвел глаза от свитка.

— Я принял решение, — провозгласил он, поднимая в воздух железный скипетр.
— Это часть наследия клана Громового Молота. Она передается из поколения в поколение! Я вошел в совет, чтобы поддерживать мир в государстве, а не спорить о перековке старого молота!

Из толпы зевак послышались гневные крики.

— Это молот Модимуса! Весь город имеет на него право!

— Если Громовому Молоту не нужен мир, то ему не место в совете!

Курдран встревожено оглянулся, увидев, как толпа сомкнулась вокруг нескольких дворфов клана Громового Молота; на помощь им уже спешили вооруженные стражники.

— Но из-за этого молота уже погиб дворф из моего клана! — попытался перекричать шум Курдран. — Я не допущу, чтобы это случилось снова!

Он в последний раз сжал в руках железный скипетр и бросил его на деревянный столик рядом с другими артефактами. Услышав глухой удар, толпа притихла.

Белграм одобрительно кивнул и поднял вверх руки, привлекая внимание присутствующих.

— По решению совета, да будет так! Великий молот Модимуса Старой Наковальни, последнего верховного короля Стальгорна, будет перекован!

Курдран поморщился, услышав одобрителный рев собравшегося народа.

— Взгляните же, — продолжал Белграм, — вот лежит рукоять молота Модимуса, перекованная в скипетр клана Громового Молота. Она принадлежала тану Курдрану, а до него — тану Кардросу.

Курдран с тоской смотрел на свой символ власти; формой и размером он немного отличался от рукояти, описанной в свитке. Когда-то давно он спрашивал Кардроса, откуда взялся скипетр, но старый дворф сказал лишь, что история наследия не имеет значения, важно лишь, каким делам он послужит в дальнейшем. Тан всегда расценивал это двусмысленное высказывание как праздное философствование или наставление для клана. Теперь же ему не давало покоя подозрение: неужели это Кардрос завладел рукоятью и перековал ее, предав забвению истинное происхождение?

Тем временем Белграм указал рукой на расплюснутый боек молота, лежащую на деревянном столе.

— Клан Бронзобородов передал нам свою часть молота Модимуса! Пламя гражданской войны искорежило его до неузнаваемости. Этот обломок хранился в городской библиотеке — в память о тех темных днях.

И наконец, Белграм повернулся к искореженному посоху, лежащему рядом с другими реликвиями.

— Клан Черного Железа пожертвовал нам некогда сияющий золотом кристалл, который украшал навершие молота Модимуса! Его нашел один из волшебников клана и изменил его цвет, чтобы скрыть истинную сущность камня.

Из толпы дворфов Черного Железа донеслись громкие, исступленные аплодисменты.

— Перековка начнется через три дня, когда совет выберет кузнеца, достойного выполнить эту работу. А теперь — расходитесь по домам и займитесь своими делами! — закончил свою речь Белграм.

Толпа начала медленно рассасываться, и яростные споры возобновились с того же самого места, где их прервало собрание — как будто ничего не изменилось. Курдран с болью смотрел на скипетр, лежащий на деревянном столе, размышляя о том, чем еще придется пожертвовать его клану в грядущие месяцы.

Собравшись с мыслями, он безмолвно покинул каменное возвышение и побрел к выходу из палат Высокого Трона.

— Курдран! — окликнула его Мойра с тревогой в голосе. — Мы же еще не выбрали, кто возьмется за перековку молота!

— А, какая разница, — огрызнулся Курдран и вышел из зала.

* * * * *

Курдран в сопровождении Небесной медленно прошел по жилым и торговым кварталам на внешнем кольце города, где звон молотков о наковальню Великой Кузни доносился лишь в виде слабого эха. Старость затуманила некогда ясный взор грифона, и Курдран не мог не обратить внимания на то, как неторопливо она переступает с ноги на ногу. Правда, в отличие от хмурого хозяина, Небесная, казалось, наслаждалась прогулкой, исследуя каждый уголок и закуток Стальгорна.

Больше всего на свете Курдран хотел сейчас оседлать Небесную и вырваться из Стальгорна на чистый небесный простор, но старая подруга теперь могла только неторопливо передвигаться пешком. Эти прогулки обычно помогали ему отвлечься от тяжелых мыслей, но сегодня его разумом полностью завладел молот Модимуса. После его демонстративного ухода из зала заседаний Мойра и Мурадин выбрали кузнеца из клана Черного Железа для перековки молота; это решение взбесило Курадрана, но он мог обвинять только себя в том, что самоустранился и не оспорил решение совета. Его неприязнь к клану Черного Железа имела под собой основание: предательство и отступничество были столь же неотъемлемой частью их характера, как любовь Громого Молота к небу.

Увы, но даже пожертвовав скипетром, он не смог установить мир в Стальгорне. Идя по улицам города, он то и дело ощущал на себе презрительные взгляды прохожих, неодобрительно оценивающих его загорелую, обветренную кожу, покрытую татуировками, и огненно-рыжие волосы, завязанные в хвост. Курдран знал, что это неодобрение касалось не только его необычной внешности. Стальгорн всегда был пестрым местом, и его обитатели всегда конфликтовали друг с другом за право жить так, как им хочется. Клан Громого Молота предпочитал свежий воздух поверхности, где можно было парить в небесах над северными землями, оседлав послушных грифонов. Бронзобороды обитали в глубине гор, как и их предки, а клан Черного Железа... эти дворфы облюбовали самые темные пещеры, творя свои мрачные...

Его мысли внезапно прервал удар: кто-то, закованный в броню, толкнул его в бок плечом. Курдран обернулся и увидел двух дворфов Черного Железа, тащивших огромную бочку. Глаза у них, как у всех в этом клане, светились. Курдрану вдруг показалось, что перед ним один из демонов Запределья.

Темный дворф ослабилась и пошел своим путем вместе с товарищем. За ними следом попарно шагали соплеменники — целая шеренга. Они тащили огромные бочки, от которых шел сильный запах знаменитого варева дворфов Черного Железа. Эта бурда даже близко не напоминала излюбленный эль Курдрана — от одного

стаканчика подобного напитка хотелось упасть и умереть. Курдран часто видел кучки дворфов, таскающих бочки из одного конца города в другой, будто от перемены места попойки зелье делалось крепче.

Когда последний из нагруженных бочками дворфов повернул за угол, кто-то окликнул Курдрана по имени. Этот голос — мягкий и царственный одновременно — было не спутать с другим.

Он обернулся: к нему подходила Мойра. Рядом вышагивал дородный дворф из клана Черного Железа, Друкан. Он часто сопровождал принцессу.

— Гляжу, ты решил взять отважную Небесную на прогулку, — заметила она с вежливой улыбкой.

Курдран вглядывался в ее лицо, надеясь отыскать в неожиданной любезности признаки фальши. Он давно уже подозревал, что за распространением слухов о клане Громового Молота стояли именно дворфы Черного Железа.

В конце концов, именно из-за нее в свое время пришлось созвать Совет Трех Кланов: после несчастья с Магни Мойра захватила город с бандой вооруженных сородичей и заявила о своих претензиях на трон. Да и решение перековать молот Модимуса также исходило от нее...

С другой стороны, Мойра не раз пыталась показать, что она на стороне Курдрана. Когда на Громовой Молот посыпались — большей частью необоснованные — обвинения в том, что из-за их присутствия в городе началась нехватка продовольствия, жилья и гнезд для грифонов, именно она встала на защиту его клана. Вот только видимое ее дружелюбие не радовало Курдрана.

— Ей полезно отдохнуть от жары, — отозвался он, поглаживая львиный загривок Небесной.

Мойра подошла ближе и протянула руку к клюву грифона.
— Великолепное создание. Как ее самочувствие?

— Лучше, — солгал Курдран, не желая обсуждать с Мойрой этот вопрос. Признаться, он сам удивился, что Небесная смогла сегодня подняться из гнезда.

— Я уверена, скоро она будет себя чувствовать лучше прежнего, — сказала Мойра. Она потрепала Небесную по гриве; та склонила голову и довольно заурчала в ответ.

Курдран был озадачен: Небесную не проведешь, с чего бы она так привечает принцессу Черного Железа? Может, зря он ее подозревает?..

Мойра бросила быстрый взгляд на Друкана. Тот стоял рядом с непроницаемым выражением лица.

— Иди сюда, Друкан. Перед тобой — живая легенда. Спорим, ты не знал, что ей приходилось сражаться с драконами?

— Не доверяю я зверям, которым довелось попробовать дворфийской крови, — проворчал тот.

Мойра вытаращила глаза.

— Скажешь тоже, Друкан! — подавила она смехок.

— Разные слухи ходят про обычаи клана Громового Молота, — упорствовал тот.

— Говорят, они скормливают пленников грифонам, а Небесной всегда достаются лучшие куски.

Курдрана бросило в жар.

— Эй, ты, следи за языком! — бросил он и сделал шаг к Друкану.

— Ты же знаешь, тут такого понаслушаешься... — Мойра мягко положила ему руку на плечо, акованное в броню. — Друкану еще, как бы это сказать... надо научиться вести себя в приличном обществе.

Она повернулась к своему спутнику, и тон ее мгновенно изменился.

— Извинись, — приказала она.

— Но ваше высочество...

— Немедленно! — ледяной взгляд был выразительнее всяких слов.

— Приношу свои извинения, — сквозь зубы пробурчал тот.

— Прости, я не хотела беспокоить вас с Небесной, — ее голос снова зазвучал ласково и приветливо. — Я просто хотела сказать, что вчера ты совершил великий поступок... такой, какой я ожидала от героя Запределья. Когда мы перекуем молот, в Стальгорне снова наступит мир и общее единение. В этом будет и твоя заслуга.

— Я, в отличие от здешних дворфов, вижу подальше собственного носа, — резко ответил Курдран. — Что сделано, то сделано.

Наследница Стальгорна мягко улыбнулась.

— Конечно. Идите гулять, не буду вам мешать.

Курдран смотрел, как они уходят. Не дали ему побыть тихо и спокойно наедине с Небесной. Жаль, что Мойра ему не враг. Тогда хоть было бы четко и понятно, что творится в Стальгорне. А так... Что толку искать крупицу смысла в городе, где все кувыркком?

— Пошли, детка, обратно в гнездо, — Курдран потрепал Небесную по крылу.

* * * * *

Курдран стоял у своего престола на Высоком Троне. Перед ним держался Белграм. Курдран был в ярости. Он изо всех сил пытался держать себя в руках, чтобы не сорвать гнев на Белграма.

— Это всецело моя вина, — проговорил советник, склонив голову перед Курдраном и прочими членами совета.

Сегодня в палатах не было никого, кроме Белграма и трех представителей кланов, и потому советник говорил почти шепотом; после каждой его фразы в комнате воцарялось напряженное молчание. В кулаке он сжимал пергамент — летопись истории молота Модимуса.

— Это мастерская подделка, — сказал он, поднимая свиток над головой, и лицо его исказила болезненная гримаса. — Мы внимательно изучили документ и обнаружили, что он был искусственно состарен с помощью магии. Его нарочно спрятали среди исторических книг. На вид все в порядке, не подкопаешься...

— Не подкопаешься?! — взорвался Курдран. — Из-за этого клочка погиб один из моих соплеменников!

— Если помнишь, в той драке погиб и член моего клана, — осадил его Мурадин. — И ничего этого не случилось, если бы ты сразу согласился отдать свой обломок молота.

— Оглох ты, что ли? Никакой это не обломок молота!

— Нашел теперь отговорку! Да ты с самого начала не хотел ни в чем участвовать!

— Мурадин, Курдран, прошу вас, — прервала их Мойра, поворачиваясь к Белграму. — До перековки молота остался один день. Вы ведь понимаете, что это значит?

— Да, Ваше высочество. Но пергамент — подделка, клянусь жизнью. Кто-то очень постарался, чтобы выдать его за настоящий, но свиток сильно отличается от датированных тем же временем.

— Так откуда же взялись обломки? — спросила Мойра.

— Насколько нам известно, скипетр Громового Молота и драгоценный камень, принадлежащий клану Черного Железа, появились где-то после гражданской войны. В пергаменте довольно подробно описывается, как был поврежден боек молота — поэтому нам удалось так быстро его отыскать. Но никто не знает, когда он была расплюснут и каким образом оказался в библиотеке.

— Кто стоит за всем этим? — прорычал Курдран, утирая пот с лысой макушки. Несмотря на крепкое телосложение, он всегда страдал от удушливой жары, царившей в Стальгорне.

— Ох... боюсь, этого мы никогда не узнаем. Через библиотеку каждый день проходит множество дворфов, — ответил Белграм.

— И это не суть важно, — добавила Мойра. — Главное — найти достойный выход из ситуации. Наши сородичи больше всего хотят положить конец распрям. Если эта история всплывет на свет, церемонию перековки придется отменить — и кого-нибудь тогда да обвинят во всем. Как вы думаете, кого?... Чтобы ни слова не просочилось за эти стены!

Она сурово посмотрела на Белграма, и седовласый дворф согласно кивнул.

Курдран тукнул кулаком по подлокотнику трона.

— Лично я не собираюсь платить за эти байки тем, что по закону принадлежит моему клану!

— Байки не байки, для народа это уже все равно что правда, — заметил Мурадин.
— Особенно теперь, после стольких дней беспорядков и пререканий.

К своему раздражению, Курдран был вынужден признать: в этом есть резон. Споры о судьбе молота Модимуса до предела накалили обстановку в городе, и теперь никакое решение совета не могло изменить ход событий вплоть до церемонии.

* * * * *

Курдран сидел на грифоньем насесте и размышлял о положении. Открывшаяся правда о молоте Модимуса не давала ему покоя. Он хотел немного развеяться, взять Небесную на прогулку, но сегодня у нее не хватило сил подняться с соломенного ложа. Она лежала в гнезде, не шевелясь и едва дыша.

В соседних гнездах общались со своими любимцами другие наездники клана Громого Молота. Им и дела не было до Небесной и до того, какое настроение в городе. Даже задорный Эли куда-то запропастился: вместо нее связки с сеном сонно складывал другой укротитель. Многие из наездников, в том числе Эли, сражались вместе с ним в Запределье. Они последовали за Курдраном в Стальгорн, как пошли за ним на родину орков, — не сомневаясь, не оспаривая его приказ. Но сейчас впервые в жизни Курдрану казалось, что он вовлек их в бессмысленную, заведомо проигранную борьбу.

Курдран поднялся и медленно пошел по гнездовью, раскинувшемуся по всему проходу. Навстречу ему снова вышагивали дворфы Черного Железа со своими неизменными бочками, сердито зыкая на рассеявшихся наездников Громого Молота. Внезапно один из носильщиков споткнулся об охапку вязаной соломы и уронил свою ношу на землю. Деревянная бочка треснула, и из нее потоком хлынула светлая жидкость.

Упавший следом дворф в ярости треснул кулаком по земле и, крихтя, начал подниматься на ноги.

— Какого демона вы, громомолотцы, расставили свои насесты на нашем пути? — проворчал он, плюнув в сторону ближайшего гнезда. Сидевший там грифон издал недовольный крик и яростно начал загребать лапами, осыпав недовольного дворфа ворохом сухой соломы.

Увидев это, Эли бросил работу и тихонько подошел к буяну.

— Они тут ни при чем, дружище, — спокойно сказал он.

— Как же! От этих тварей одни неприятности! Мало того, что нам приходится плясать вокруг их вонючих гнезд, так еще и весь город пропах пометом, — не желал успокаиваться тот. Хрустнули костяшки: дворф сжал кулаки и шагнул к ближайшему грифону.

Эли тут же, не размышляя, преградил ему путь вилами.

— Не смей трогать грифона, приятель!

Завидев острые зубцы, дворф Черного Железа изумленно выкатил глаза.

— Видали? — повернулся он к своим сотоварищам. — Громовай Молот поднял на нас оружие!

— Будет тебе выдумывать! — Эли поспешно опустил вилы.

Пятеро наездников поднялись с места и подошли поближе. Один из них сделал шаг вперед и ткнул пальцем в латный нагрудник дворфа Черного Железа.

— Забирай свои помои и убирайся отсюда!

Курдран почувствовал, что обстановка накаляется. Так котелок закипает на огне, и его содержимое все ближе подступает к краю. Только драки ему и не хватало впридачу к этой заварухе с пергаментом! Надеясь предотвратить неизбежное, он направился к дворфам клана Черного Железа.

— Да вы, громомолотцы, скорее дадите городу сгореть, чем дадите в обиду своих куриц! — рывкнул один из них, поворачиваясь к своим соплеменникам. — Налейте-ка этим горячим парням чего-нибудь успокаивающего.

Секунда — и дворфы, что держали в руках бочонок, швырнули его в гнездо грифонов. Бочонок пролетел у Курдрана над головой и упал прямо у насеста Небесной, окатив ее и других грифонов омерзительным пойлом.

Курдрана мгновенно охватила ярость. Он с трудом сдержался, чтобы не вспылить. Быстрым шагом он двинулся к зачинщику, чтобы выставить его с товарищами из гнезда. Дворф невольно попятился назад, наткнулся на ту же вязанку соломы и упал навзничь.

Наездники разразились хохотом.

— Увидел Курдрана — и сразу бежать! — прокричал один из них.

Дворф Черного Железа растерянно оглянулся, лицо его побагровело от унижения. Наконец он поднялся на ноги и подошел вплотную к Курдрану.

— Ты, повелитель бабочек, — прорычал он, — иди на свой насест к остальным курицам.

С этими словами он плюнул тану Громового Молота в лицо.

Чаша терпения Курдрана переполнилась. Это крохотное оскорбление разбередило в нем все, что тлело в душе с тех пор, как он вернулся в Стальгорн. Мечты о небесах над Заоблачным пиком... Тяжелое решение пожертвовать наследием клана... Недуг Небесной... Все это разом выплеснулось наружу в потоке ослепляющей ненависти.

Кулак Курдрана обрушился дворфу Черного Железа на голову и сбил его с ног.

Не дожидаясь приказа, наездники Громового Молота, стоящие рядом с Курдраном, ринулись в драку. Дворфы Черного Железа швыряли в них бочонки, но те умело уклонялись от самодельных снарядов. Недовольные вторжением на свою территорию грифоны громко кричали, бочки раскалывались и заливали спиртным все гнездовье, устланное лишь тонким слоем соломы.

Кланы Громового Молота и Черного Железа сошлись в отчаянной драке. Каждый пытался ухватить противника за броню или за что подвернется. Они насакивали друг на друга и толкались, — и вдруг кто-то из дворфов Черного Железа потерял равновесие и упал, опрокинув жаровню. Горячие угли раскатились по полу. Вязанки соломы, залитые спиртным, тут же вспыхнули, и в считанные секунды соседние гнезда были охвачены огнем.

Пламя распространялось со скоростью бури. Столп черного дыма устремился вверх, к Великой Кузне, и следом за ним в воздух взмыли несколько грифонов, взметнув пепел и перья.

— Воды! — рявкнул Курдран, перепрыгивая через кучу барахтающихся на земле дворфов.

К гнездовью уже бежали обитатели Великой Кузни. Большинство грифонов кружили в дыму у них над головой, но четверо еще оставались на земле: Небесная и трое ее родичей, окруживших гнездо.

— Небесная! — закричал он. — Улетай отсюда!

В ответ раздался крик, от которого сердце у него болезненно сжалось. В последний раз он слышал его в Запределье. Этот боевой клич не раз обращал в бегство его врагов.

Пламя бушевало вокруг ее гнезда, и он едва мог разглядеть Небесную сквозь толстую завесу дыма. Он увидел, как взлетел один из грифонов, — за ним тянулся след из тлеющих перьев. Следом поднялись в воздух двое других. Спасаются бегством? Нет! Отрывисто каркая, они вцепились когтями в крылья Небесной и замахали крыльями в лад, чтобы оторвать подругу от земли, но она яростно отбивалась и вырвалась из их хватки.

Тем временем дворфы принялись поливать горящее гнездовье из бочек с водой, а двое запыхавшихся гномов нараспев читали заклинания, обращавшие языки пламени в осколки льда. Но все их усилия были тщетны. Курдран попытался стянуть с себя броню но запутался в застежках. Черт с ней!.. Он ринулся в огонь.

— Курдран! — закричал Эли.

Укротитель грифонов и еще двое наездников вцепились в него, не пуская, но и втроем им не удавалось его удержать. Преодолевая их сопротивление, он подходил все ближе к бушующему пламени, пока, наконец, не подоспели еще двое соплеменников и не повалили его на землю, прижав к соломе.

У него на глазах взмыли в воздух два грифона, остававшиеся возле гнезда Небесной, — дым и жара стали невыносимы. Еще несколько мучительных секунд, и его верная подруга рухнула на землю.

Эли и прочие дворфы Громого Молота держали Курдрана, пока не погас последний уголек. Едва его отпустили, как он устремился к дымящемуся гнездовью, где неподвижно лежала Небесная. Комок обгорелых перьев.

Чья-то рука осторожно тронула его за плечо.

— Прости... — хрипло выговорил Эли.

— Зачем она отталкивала сородичей? Они ведь пытались ее спасти... — прошептал Курдран, не в силах поверить, что все кончено.

— Ой, ну конечно! Она же защищала свою кладку! — внезапно сообразил Эли.

Дворфы бережно приподняли тело Небесной: там, где раньше были три безупречно прекрасных яйца, теперь лежала разбитая скорлупа и наполовину испекшиеся останки ее детей.

При виде этой ужасной картины Курдран застыл, словно утратив дар речи.

— До последнего держалась... — прошептал Эли, опускаясь перед обгоревшим гнездом на колени.

Молчаливо стояла толпа, глядя на разоренное гнездовье. Даже дворфы Черного Железа, из-за которых произошла беда, казались подавленными и стояли безмолвно. Десятки глаз смотрели на Курдрана. Он стоял в клубах дыма, вонявшего соломой и горелым мясом, и чувствовал себя как никогда плохо.

* * * * *

Пока грифоны с криками носились над разоренным гнездом, а обитатели города пытались разобраться, что произошло, Курдран, едва держась на ногах, медленно вышел за пределы Великой Кузни. Огонь словно выжег в нем огромную дыру, через которую утекли последние капли надежды, амбиций и радости, некогда пульсировавшие в его венах.

Он много часов просидел в пустынной таверне над кружкой нетронутого эля. Он пытался припомнить что-нибудь хорошее, связанное с Небесной, но вид ее обгоревшего тела словно бы вытеснил все светлые воспоминания. Она должна была умереть на поле битвы, думал он, или хотя дома, у Заоблачного пика, — но не в глубине этой проклятой горы.

— Не стоило возвращаться сюда, — размышлял Курдран. Горькие воспоминания навели его на мысль о Фалстаде. А ведь ему было удалось выбросить его из головы...

Фалстад взял на себя управление кланом Громого Молота в те годы, когда верховный тан был в Запределье. Вернувшись в Заоблачный пик, Курдран чувствовал себя так, будто обязан наверстать все то время, что его не было на родине, и поэтому поспешил отдать несколько приказов клану, не посоветовавшись с Фалстадом. Тем самым он подорвал доверие к нынешнему верховному тану и оскорбил друга.

Само путешествие в Стальгорн стало примером его ревливой попытки доказать, кто есть истинный предводитель клана. Он знал, что предложение вступить в Совет поступило Фалстаду как нынешнему верховному тану, и поспешил занять его место, довольно резко заявив, что тот не обладает должным опытом для подобной работы. На волне восторга многие поддержали его решение, но Курдран все еще не мог забыть боль и обиду, отразившиеся в глазах верховного тана. Своими словами и поступками Курдран словно бы перечеркнул все те двадцать долгих лет, в течение которых Фалстад доблестно вел за собой клан Громого Молота.

Теперь он понимал, что поступил глупо, и мало того, искренне желал повернуть время вспять и назначить Фалстада на свое место. Не потому, что хотел взвалить на его плечи все тяготы жизни в Стальгорне, но потому, что искренне верил: Фалстад мог справиться с этой работой гораздо лучше.

— Ничего не поделаешь, — решил. Теперь, если он обратится к другу за помощью, это примут за слабость. Но вдруг он понял: самого дорогого Стальгорн у него еще не отобрал.

* * * * *

Зал Высокого Трона был пуст. Курдран осторожно пробрался к трону Мурадина: там, у каменного престола, стоял большой кованый сундук, в котором хранились обломки молота Модимуса. Ключ от него, огромный и тяжелый, был у каждого члена совета свой. Он вставил ключ в замок, медленно он приподнял крышку сундука и достал скипетр клана. Грифонье оперение и сухин ленты из травы сняли для перековки. Без них скипетр выглядел каким-то жалким, голым, оскверненным.

— Так и знала, что ты заберешь его, — весело сказал кто-то у него за спиной.

Курдран резко повернулся: у подножия тронов стояла Мойра, еще в торжественном наряде, но с Фенраном на руках. Через открытую дверь в палаты Высокого Трона проникал луч света из ее покоев.

— Я не стану участвовать в этом фарсе.

— Ты прямо как Фенран, — Мойра неторопливо подошла к возвышению. — Вцепится в свою игрушку и вопит во весь голос, если я пытаюсь ее отобрать.

— Ты не понимаешь, что этот скипетр значит для меня... и никогда не поймешь.

Наследница Стальгорна поднялась к трону Курдрана и окинула его скептическим взглядом.

— Чего я точно не понимаю — так это зачем ты вообще явился сюда, — сказала Мойра. — Ты и твой клан никогда не были частью Стальгорна, да и не стремились ей стать.

— Меня просили присоединиться.

— Я не просила.

Мойра сказала правду: прибыв сюда с бандой дворфов Черного Железа, она фактически захватила Стальгорн, но среди гостей города неожиданно оказался принц Андуин из Штормграда. В ответ на ее действия король Вариан выслал группу убийц из ШРУ, намереваясь устранить коварную наследницу, но в итоге пощадил девушку, постановив создать Совет Трех Кланов для поддержания мира. Именно он призвал Фалстада занять свое место в качестве представителя клана Громоваго Молота.

Несколько долгих секунд двое дворфов испытывали друг друга взглядами, пока Мойра не решилась нарушить молчание.

— Скажи мне, о дворф, одержавший столько славных побед, — как ты чувствуешь себя в роли проигравшего?

— Что ты имеешь в виду?

Мойра посадила Фенрана рядом с тронном Мурадина, и малыш тут же взобрался на сидение, радостно лопоча и не обращая ни малейшего внимания на разговор взрослых.

— Должно быть, это ужасно...

— Да о чем ты? — переспросил Курдран, с трудом сдерживая раздражение.

Лицо Мойры озарилось улыбкой. Эту улыбку он видел на ее лице не раз, но теперь в ней было что-то зловещее. Неужели?.. Курдрана осенило — но слишком поздно.

— Меня тревожило, что ты вступил в совет. Ты дворф старой закалки, сильный, всем пожертвовал ради защиты нашего мира. Но когда ты, наконец, переступил

порог этого зала, я заметила, как ты цеплялся за этот кусок железки. Странно было наблюдать за тобой... будто вся твоя гордость и честь в этой штуковине.

Курдран почти не слышал, что она говорила. Мысли путались в голове: странные слухи о клане... Растущее напряжение в народе, махинации с поддельным свитком... И то, как рьяно Мойра защищала клан Громого Молота... Все это было сделано для того, чтобы очернить его клан, сделать их отщепенцами в глазах остальных дворфов! А подлинные враги — клан Черного Железа — перестали привлекать внимание.

Этот план был дьявольски прост — и оттого еще более страшен. Курдран почувствовал себя беззащитным, побежденным более слабым противником. Ведь именно такой западни он, не решаясь признаться себе в этом, и ждал от Мойры. Зачем он не послушался своего чутья!

— Так это ты подбросила свиток в библиотеку? Или твой ручной крысеныш Друкан сделал это по твоему повелению?

Наследница Стальгорна ухмыльнулась в ответ и погладила Фенрана по головке, полностью игнорируя Курдрана.

— Я уже распорядилась усилить охрану в библиотеке. Уверю тебя, подобного больше не повторится.

— Отвечай! — рявкнул Курдран, обнажая свой молот бури и направляя его на Мойру.

Девушка невозмутимо окинула оружие взглядом с безмятежной улыбкой.

— Говорят, этим молотом ты убивал драконов? Раздробил бесчисленное количество орочьих черепов? Страшно представить, что он может сотворить со мной.

— Раскроить тебе башку. Пикнуть не успеешь!

Мойра усмехнулась.

— Моя кровь и остыть не успеет, как дворфы Черного Железа поднимут мятеж и сожгут этот город до основания. А тебя и твой озверевший клан первыми бросят в огонь.

— Если в тебе осталась хоть капля чести, ты признаешься в содеянном.

— Все кончено, Курдран. Ты рожден действовать, а не произносить речи; увы, но в Стальгорне слова ценятся выше поступков. Это тебе не Запределье, где победа оценивалась пролитой кровью. Здесь триумф исчисляется завоеванными сердцами,

и ты весьма зрелищно проиграл эту битву. Пожалуй, Фалстад справился бы гораздо лучше тебя.

— И ты еще болтала что-то о единстве! — пробормотал Курдран, крепче перехватывая рукоятку молота. — Ты сама не знаешь, чего хочешь.

Улыбка застыла, лицо Мойры словно окаменело.

— Я знаю, чего хочу! — прошипела она. — Это ты никогда не хотел протянуть руку мира дворфам Черного Железа! С самого начала мысли твои были осквернены старой ненавистью!

— И ты пожертвовала мной, чтобы твоих соклановцев перестали воспринимать как отбросы общества? Заметь, с полным основанием, — ядовито поинтересовался Курдран.

— Я сделала это во имя будущего. Когда мой сын займет этот трон, он не будет править городом, в котором его воспринимают как отверженного, только потому, что у него в жилах течет другая кровь.

— Видел бы тебя Магни... Хорошо, он не видит, как его шальная дочка рушит все, что он с таким трудом создавал!

— Откуда тебе знать, через что нам с отцом пришлось пройти! — вознегодовала Мойра. — И ты, и твой клан в нашем городе — гости. Чем скорее вы уберетесь, тем лучше!

Она невольно сжала ручку Фенрана, и малыш разразился оглушительным ревом.

— Я так и думал!.. — Курдран замер на полуслове. Ему пришла в голову ужасная мысль. Он сделал шаг по направлению к Мойре, так что молот едва не уперся ей в лицо. — Это ты убила Небесную! Ты подослала своих грязных дворфов, чтобы те устроили пожар!

— Ничего подобного! — возмутилась принцесса. — Это случилось по твоей вине! Я сурово наказала дворфов, которые участвовали в той драке. Но они сказали, что первый удар нанес ты.

Чувство вины легло на плечи Курдрана тяжелым гнетом. Весь день он гнал от себя мысль, что драку можно было предотвратить. Плечи его сгорбились, рука с молотом безвольно повисла.

— Забирай свою железку и уходи, — отчеканила Мойра, указывая взглядом на скипетр Громого Молота. — Или оставь ее на месте.

Она подхватила Фенрана и грациозно спустилась с возвышения, не оборачиваясь.

— Мы все равно проведем церемонию перековки. Завтра утром клан Черного Железа положит начало объединению нашего народа, — бросила она напоследок и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Правдивость ее слов невыносимой тяжестью обрушилась на Курдрана. Враг, которого он искал так долго, наконец появился, но он не мог одолеть его, не разрушив весь город. Он был еще беспомощнее, чем король Магни, обращенный в статую; горькое чувство поражения захлестнуло его с головой.

Пот струился по его телу, каждый вдох, казалось, наполнял легкие жаром вместо чистого воздуха. Курдран вложил скипетр в углубление на стальном нагруднике, рядом с сердцем, и выбежал прочь из комнаты, за врата Стальгорна, отрезавшие его от каменных стен города.

* * * * *

Курдран с наслаждением втянул в себя свежий воздух за вратами Стальгорна. Леденящий ветер мгновенно осушил пот, покрывавший его тело, и он поежился от холода.

Где-то вдали, за снежной завесой, виднелись силуэты дворфов на фоне распахнутых ворот: они переносили какие-то ящики из повозки. Один из грузчиков глянул на Курдрана и уверенно зашагал в его направлении.

Это был Мурадин.

— А я как раз искал тебя, — сказал Бронзобород, отряхивая снег с латных наплечников. — Не знаю даже, как выразить свои соболезнования по поводу Небесной. Ее смерть была достойной — она погибла свободной от тени страха. Сражаясь за то, что было для нее важнее всего — за свое наследие. За будущее.

— Ее будущее умерло вместе с ней, — тяжело вздохнул Курдран, и с губ его сорвалось облачко белого пара.

Мурадин выдержал долгую паузу.

— Да, друг... Но я бы предпочел погибнуть в безнадежной борьбе, чем не сражаться вовсе. Впрочем, ты все равно меня не поймешь, не так ли?

Курдран поморщился, но перепалка с Мойрой слишком утомила его, чтобы затевать новую ссору.

— Я сражался за свой народ с первого дня своего появления в Стальгорне.

— Не путай упрямство с храбростью, — парировал Мурадин.

— Да что ты понимаешь! Вы с Мойрой — два сапога пара.

Брат короля вздохнул и опустил голову.

— Когда ты присоединился к совету, я подумал — наконец-то среди нас появился дворф, который может навести порядок в нашем городе. А ты вместо этого только усугубил ситуацию.

— Конечно, потому что остался один против всех. Сначала вы приняли меня с распростертыми объятьями, но стоило пойти вам наперекор — тут же повернулись ко мне спиной.

— Сколько раз я говорил тебе, что все эти споры про молот не стоят выеденного яйца? Я перестал взывать к твоему благоразумию, потому что понял, что лишь понапрасну сотрясаю воздух, — возразил Мурадин.

К слову, Курдран и впрямь припомнил, как брат короля не раз подходил к нему с просьбами отступить от скипетра Громового Молота, но тану никогда не приходило в голову воспринимать эти беседы как дружеский совет, а не попытку давления.

— Ну как ты не понимаешь, — продолжал Мурадин, — этот старый кусок железа — словно якорь, который тянет тебя назад и тащит за собой весь город. Чем больше споров вокруг него, тем крепче его хватка.

— А что если я не пойду завтра на церемонию перековки?

Стоило этим словам сорваться с его губ, как скипетр, спрятанный под броней, больно впился в его ребра.

Мурадин нахмурился и разочарованно посмотрел на Курдрана.

— Магни любил слушать истории о твоих героических подвигах в Запределье. Могу только порадоваться, что он не видит того, какой ты на самом деле глупец.

Курдран подумал, не рассказать ли ему о стычке с Мойрой, но побоялся, что Мурадин сговорился с принцессой. Однако в словах брата короля было столько убежденности, что верховный тан засомневался в том, обоснованы ли его страхи. Но с другой стороны, от этого ему стало еще больнее слушать его доводы.

— Этот скипетр воплотил в себе душу моего клана и помог нам выжить в Запределье! — выкрикнул Курдран.

— Да пойми же, наконец, что ты и есть душа клана! — Мурадин возвысил голос в ответ. — Ты сам, Небесная, каждый дворф Громого Молота страдали от твоего упрямства. Я же пытаюсь смотреть в будущее нашего народа, а не топить его в предрассудках и спорах вокруг куска железа.

— Смотреть в будущее? — фыркнул Курдран. — Этот молот ничего не мог сделать для будущего Стальгорна даже тогда, когда мы верили в его подлинность, а теперь уж и подавно!

Мурадин глубоко вздохнул и положил руку на плечо Курдрана.

— Успокойся, друг мой. Ничто не дается просто так, иногда приходится жертвовать самым дорогим. Тебе ли не знать этого.

— Так зачем ты искал меня? — Курдран раздраженно стряхнул с плеча его ладонь. — Поучить меня, как управлять кланом?

Лицо Мурадина исказила гримаса злости, и он нервно оглянулся на призрачные фигуры, продолжавшие свою работу под покровом ночи. Дворфы разгружали повозку, не обращая никакого внимания на двух спорщиков. Внезапно брат короля повернулся, и его тяжелая десница отвесила тяжелую пощечину по лицу Курдрана, заставив того отскочить.

— Нет, друг мой. Я просто хотел разобраться, где правда, а где ложь.

И он зашагал обратно к повозке, оставив ошеломленного Курдрана у ворот.

Скипетр Громого Молота показался ему неожиданно тяжелым, словно бы все связанные с ним воспоминания обрели вес. Но до похода в Запределье это наследие не казалось ему особенно важным. Курдран вдруг вспомнил, что чуть не забыл его дома, отправляясь в поход на родину орков. Лишь случайно он решил снять покрытый пылью жезл со стены и упаковать вместе с остальными вещами.

Внезапно Курдран устыдился того, что забрал скипетр из зала Высокого Трона. В конце концов, на что он ему теперь? Может ли он постыдно бежать из города, отказаться от своих обязанностей представителя совета и запятнать позором честь клана и Фалстада?

Курдран покачал головой и зашагал обратно через врата, к удушающему жару Стальгорна. Бесцельно пройдясь по внутреннему кольцу города, он внезапно услышал зовущий его голос.

— Курдран!

К нему вприпрыжку бежал Эли, прижимая к груди меховой сверток.

— Сейчас не время для праздных бесед, — хмуро пробормотал он.

— Знаю! Но это тебя непременно порадует!

Эли опустился на землю и положил рядом меховой сверток. Курдрану ничего не оставалось кроме как сесть рядом и смотреть, как он бережно разворачивает мешок.

— Это ее, — торжественно объявил он, улыбаясь от уха до уха.

Не веря своим глазам, Курдран наклонился ниже: в импровизированном гнезде лежало яйцо, все в саже.

— Но... как? — только и смог вымолвить тан.

— Его унес один из грифонов. Он прятался на насесте в Великой Кузне — должно быть, успел вытащить его из пламени. Небесная была единственной наседкой в гнездовье, — пояснил Эли. — Я сразу же хотел рассказать тебе, но никак не могла тебя отыскать.

И действительно, Курдран вспомнил, что видел среди беснующегося пламени грифона, который взлетел от гнезда Небесной, прижав задние лапы к груди. Тан поднял голову и увидел, как Эли поспешно вытирает слезы.

— Никому не говори, слышишь? Если другие дворфы узнают, что я ревел как девчонка, насмешек не оберешься...

— Можно подумать, ты первый раз плачешь, — рассмеялся Курдран, но при одном взгляде на яйцо его мимолетная радость мгновенно улетучилась. Да, это было чудо, но если бы у него был выбор, он бы не глядя обменял яйцо на возможность воскресить Небесную.

— Это все равно не она... — прошептал Курдран.

— Ох, дружище, выкинь-ка ты эти мысли из головы, пока они тебя совсем не отравили. Отпусти ее, иначе всю жизнь проведешь в бесплотных надеждах.

Эли взял Курдрана под руку.

— Да, Небесная никогда не вылупится из этого яйца, — продолжил он с неожиданно серьезным выражением лица. — Но это ее дитя, плоть от ее плоти, кровь от ее крови, ее подарок тебе. И я клянусь тебе, что когда-нибудь оно вырастет в грифона, достойного своей матери.

— Истинно так... — вымолвил Курдран, чувствуя комок в горле.

Он положил ладонь на скорлупу: яйцо оказалось теплым, но не жгло, как жар Стальгорна. Оно словно согревало кровь. На мгновение тан вдруг почувствовал, что парит в голубых небесах Внутренних земель, под нежными лучами утреннего солнца. Словно бы разошлись тучи, и все на свете стало простым и понятным. Теперь он знал, как ему поступить, что бы ни было дальше. Только так он сможет защитить честь короля Магни и исполнить свой долг члена Совета Трех Кланов.

* * * * *

Великая Кузня была переполнена дворфами: казалось, весь город собрался на церемонию перековки молота Модимуса. Присутствовали даже несколько гномов, парочка дренеев и прочие члены Альянса — хотя они и держались особняком.

Подступы к наковальне охраняли вооруженные стражи Стальгорна, и внутри периметра стояли только Мойра, Мурадин и избранный ими кузнец из клана Черного Железа. Большинство дворфов в толпе также захватили с собой оружие, что еще более накаляло обстановку на церемонии. Рядом с входом в тронный зал сгрудились члены клана Громового Молота, покинувшие свои насиженные места среди грифоньих гнезд. После пожара все они увели своих любимцев прочь из города, и теперь на расчищенном от пепла гнездовье обитали только стальгорнские грифоны.

Курдран проложил себе путь среди шикающей, разъяренной толпы; не раз он слышал слово «вор», брошенное ему в спину. Приблизившись к центру зала, он увидел, как Мойра подошла к ограждению, намереваясь обратиться к народу.

— У нас есть некоторые подозрения относительно личности предателя, укравшего рукоять молота Модимуса, — провозгласила она. — Мы обязуемся провести тщательное расследование, но сейчас не видим нужды отменять церемонию и тем самым потакать тайным замыслам вора. Мы начнем перековку с тем... — Мойра запнулась, глядя, как Курдран протискивается среди стражей, охраняющих Великую Кузню.

— Курдран! — приветливо улыбнулась она, словно вчерашним вечером ничего не случилось. — Должно быть, ты уже слышал, что среди нас затесался предатель!

Наследница картинно взмахнула рукой, указывая на Великую наковальню, где одиноко лежали боек молота и драгоценный камень, пожертвованный кланом Черного Железа.

— Не желаешь ли ты пролить свет на это преступление? — спросила она громко, чтобы всем было слышно.

Теперь Курдран видел, как под маской притворной вежливости ее переполняет самолюбование. Принцесса наслаждалась своим торжеством над кланом Громового Молота.

— Желаю! — ответил Курдран, мельком взглянув на Мурадина; Бронзобород презрительно ухмыльнулся, но ничего не сказал.

Курдран шагнул вперед, к краю Великой наковальни, и поднял руку со скипетром Громого Молота высоко в воздух, демонстрируя его всем собравшимся.

— Слушай меня, Стальгорн! — возвестил он. — Это я взял обломок молота!

Толпа разразилась гневными криками, дворфы начали напирать вперед с такой силой, что стражи, окружившие Великую наковальню, с трудом сдерживали их натиск. Некоторые пытались протиснуться к Высокому Трону, где стояли дворфы Громого Молота.

Мурадин в два прыжка преодолел расстояние между ним и наковальней и схватил верховного тана за свободную руку.

— Курдран! — рявкнул Бронзобород. — Ты что, задумал поднять восстание?

— Ты сказал, что лишь я способен навести порядок в этом городе. Так вот, именно этим я и занимаюсь!

— Каким образом? — возмущенно спросил Мурадин.

— Я хочу освободить наш народ от цепей, друг.

Мурадин нахмурился, но в следующую секунду, кажется, понял, что происходит. Его хватка ослабла. Брат короля шагнул к толпе и огласил:

— Пусть говорит свое слово!

Когда шум толпы затих, Курдран продолжил:

— Долгие годы я провел в Запределье, не зная, вернусь ли когда-нибудь домой. В эти тяжелые дни только этот кусок железа вселял надежду в меня и моих сотоварищей. Он напоминал нам о том, кто мы и за что сражаемся.

Курдран бросил быстрый взгляд на сокровище клана. Прошлой ночью, склонившись над наследием Небесной, он наконец понял истинную ценность скипетра. Он был всего лишь куском старого железа, обломком закаленного металла, вселившем страх и ненависть в сердца его народа. Чем он, Курдран, отличался от безмозглой, разъяренной толпы, готовой растерзать любого на своем пути? Дворф, боящийся всего неизвестного, утраившийся будущего, цепляющийся за обломки давно минувших дней... Разве таким он отправился в Запределье? Неужели ради этого он пожертвовал своим титулом, десятилетиями

жизни на Заоблачном пике? По сравнению с теми великими целями — защитить свой народ — скипетр казался жалкой безделушкой.

— Мы больше не в Запределье, — продолжил Курдран, — но и Стальгорн уже не тот, каким был во времена наших предков. Так к чему перековывать молот и цепляться за давно ушедшее? Наш город изменился, и мы сами никогда не будем прежними, даже если соберем воедино молот Модимуса!

Курдран яростно швырнул скипетр на наковальню.

— Я и мой клан отказываемся вступать в новый век, сковывая себя цепями прошлого!

В толпе воцарился хаос; тень, отбрасываемая Великой наковальней, создавала впечатление, что дворфы слились в единое пятно, вот-вот готовое взорваться изнутри.

— Сейчас он утащит свой скипетр обратно!

— Вот они, дворфы Громового Молота во всей красе!

Не говоря более ни слова, Курдран достал из-за плеча свой молот и одним быстрым движением обрушил его на лежащий скипетр. Оглушающий звон металла эхом пронесся по залу, а наследие Громового Молота в мгновение ока разлетелось на тысячи железных осколков.

Толпа застыла в изумлении, дворфы озадаченно смотрели друг на друга.

— Здесь начинается история нового Стальгорна. Спросите себя, хотите ли вы перековать молот, если в один день он снова может быть разбит? Клан Громового Молота выбирает будущее, а не прошлое. Кто с нами?

Курдран повернулся, протягивая свой молот членам совета, и с удивлением увидел Мурадина, идущего к наковальне.

— Бронзобороды с тобой! — провозгласил он, хватаясь одной рукой за рукоять молота.

Теперь в одиночестве осталась лишь Мойра, и именно на нее были обращены взгляды Мурадина, Курдрана и множества других дворфов.

Наследница Стальгорна затравленно оглянулась, будто пытаясь отыскать путь к бегству. Когда тишина стала почти зловещей, она, шатаясь, двинулась к наковальне, как будто тело ее действовало наперекор воле разума. Не сводя глаз с

Курдрана, она положила изящную руку поверх руки Мурадина, сжимающего рукоять молота.

Свободной рукой Курдран передвинул реликвии Бронзобородов и клана Черного Железа к центру гигантской наковальни, и члены совета единым движением обрушили на них молот верховного тана. Раздался еще один оглушающий звон, посыпались осколки, навсегда положившие конец фальшивой легенде.

Трое дворфов стояли возле наковальни, торжествуя, подняв вверх молот, и толпа приветствовала их градом аплодисментов.

Все это время Мойра смотрела на Курдрана, словно ожидая от него какой-то реакции, но тот не сказал ни единого слова.

* * * * *

За следующие несколько недель пожар ненависти среди кланов превратился в едва тлеющие угольки: стычки между дворфами все еще случались, но угроза открытой войны миновала. Курдран сидел в таверне «Горячий камень» и допивал вторую кружку эля; кресло рядом с ним пустовало, но на этот раз тан не пытался в одиночестве утолить свой гнев или чувство вины. Наоборот, он ждал кого-то с все возрастающим нетерпением.

Не могу винить его за то, что он не придет, — подумал Курдран.

И тут же, словно в ответ на его мысли, порог таверны перешагнул Фалстад Громовой Молот, могучий дворф с рыжими волосами, завязанными в хвост. Он остановился у входа, вглядываясь в полумрак комнаты, пока не нашел Курдрана за столиком в дальнем углу. Тогда он подошел к сотоварищу и, не удостоив его ни приветом, ни улыбкой, сел на свободное место.

— Рад видеть тебя, дружище, — сказал Курдран.

— И я тебя, — с непроницаемым выражением лица отозвался Фалстад.

Повисла неловкая пауза. Вскоре после уничтожения скипетра Курдран вызвал Фалстада в Стальгорн, не зная толком, как друг отреагирует на это приглашение. Теперь, когда бывший верховный тан Громового Молота был в городе, Курдран чувствовал облегчение с примесью неуверенности.

— Слушай, я знаю, что ты хочешь сказать. Ты занимаешь место в совете по праву, — внезапно сказал Фалстад.

— Нет, — ответил Курдран. — Долгие двадцать лет ты был верховным таном Громового Молота. Никто не может отнять у тебя этот титул, даже твердолобый дворф, решивший, что лучше справится с твоей работой...

— Я встретил Эли по пути в таверну. Говорят, ты тут навел шороху в Стальгорне!

— Я всего лишь расхлебывал кашу, которую сам же и заварил. Ничего этого не случилось бы, будь ты на моем месте.

Фалстад настороженно смотрел на Курдрана, поджав губы. Тан мысленно собрался, ожидая, что сейчас друг устроит ему взбучку за высокомерие или станет бранить за неосмотрительные действия в Стальгорне.

— Если ты готов, — с настойчивостью сказал Курдран, — то можешь занять мое место в совете ради блага всего клана.

Фалстад откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди и буравя взглядом Курдрана.

— Значит, ты надеешься вымолить у меня прощение и уговорить вступить в совет... а сам даже не поставил мне кружку пива? — внезапно спросил он, и лицо его озарилось широкой улыбкой.

Курдран засмеялся в ответ, чувствуя, как спадает с души тяжелый камень вины. В этот момент он осознал, насколько мудр и благосклонен его друг. Обладая такими чертами характера, он сможет достойно представлять клан в совете и когда-нибудь приведет Громовой Молот к славе.

И с этими мыслями Курдран заказал пинту эля для друга.

— За совет, — сказал Фалстад, поднимая кружку.

— За верховного тана Громового Молота, — отозвался Курдран.

— И за Небесную, — добавил Фалстад, быстро поднося пенистый напиток к губам, пока Курдран не предложил другой тост. Разумеется, Эли рассказал ему о гибели грифона, и тан с благодарностью принял эту дань уважения. Как и многие другие наездники, Фалстад знал, что долгие речи не могут утолить печаль от гибели друга.

Фалстад допил кружку до дна и поставил ее на стол с глухим стуком.

— Что будешь делать теперь? — спросил он.

— Отправляюсь, пожалуй, в Штормград. Повидаюсь с королем Варианом... в прошлом мне удавалось неплохо ладить с людьми. К тому же, говорят, что прямо у городских ворот мне поставили памятник, чтобы почтить мою героическую смерть в Запределье! — ухмыльнулся Курдран.

— Ага... я даже сочинил мемориальную надпись. Не думай, что восхвалять тебя было легко, — съязвил в ответ Фалстад.

С наступлением темноты таверну заполнили другие дворфы. Они присаживались за стол к Курдрану и Фалстаду, говорили о том, что случилось на политической сцене в королевствах Азерота, о природных бедствиях, изменивших облик планеты после Катаклизма, но Курдрана больше всего заинтересовало сообщение о поселениях дворфов Громового Молота в Сумеречном нагорье. По слухам, они не признавали над собой никакой старой власти и провозгласили независимость от Заоблачного пика. Однако недавно из тех северных краев поступили тревожные сообщения, будто бы нечто злое пустило корни среди зеленых холмов нагорья...

Курдран задумался, не особо прислушиваясь к тому, что теперь обсуждали другие дворфы. Неделю назад он не рискнул бы оставить свое место в совете, решив, что тем самым проявит слабость в глазах своих сородичей, но теперь это не имело никакого значения. Великая цель — помочь своему народу — воспламенила его душу, и ради нее он готов был пожертвовать собственными амбициями. Это было то самое пламя, которое сподвигло его на поход в Запределье и позволило уничтожить скипетр Громового Молота. Теперь он знал, что не сможет бездумно сидеть в Заоблачном пике или задохнуться в жаре Стальгорна. Ветер судьбы дул ему в спину, и среди полной неопределенности он готов был встретиться с любыми трудностями, бросить вызов непреодолимым обстоятельствам и дать бой во имя самой слабой надежды. Таков уж был его характер — характер Громового Молота.

Впервые с момента прибытия в город — а говоря откровенно, с момента возвращения из Запределья — он почувствовал себя свободным. Разумом он словно парил в облаках вместе с Небесной, и казалось, будто душа его рвалась в бескрайний простор небес. Его влекло ко всему неизвестному, манящему словно мираж. Курдран знал, что в сердце его всегда останется место для Заоблачного пика и всего клана Громового Молота. Он не знал, сколько времени займет его путешествие — дни, недели или годы — как не ведал, каков будет итог его пути. Мысленно он потрепал Небесную по загривку и решительно устремился к линии горизонта.